

3 стр. • 26 сентября 1969 г.

ЧТО ГОД

ТЕАТРАЛЬНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Грядущий...

МОСКОВСКИЕ театры вступают в новый сезон. Собственно, «вступают» — не совсем определенно сказано. Иногда кованое понятие «межсезонье» ныне утратило свои железные черты, и один сезон, как правило, плавно и незаметно переливается в другой. И тем не менее новый сезон есть новый сезон, и оглянуться назад перед тем, как делать шаг вперед, — вещь всегда полезная. Тем более, что сезон минувший оказался далеко не простым, более того — во многих отношениях трудным, со своими резкими, порой призрачными контурами, со своими характерными тенденциями.

Даже первого взгляда достаточно, чтобы понять: сезон прошел под знаком классики. Постановки классических пьес и лирических м, главное, по художественному весу значительно перевесили все остальные. Уж в таком демонстративно современном и несколько даже шумливо саморекламном в этой своей демонстративности театре на Таганке — и в том стержневых работами стали мольеровский «Тартюф» и «Мать» Горького. Не вдаваясь в детальный анализ, хочу в оправдание такого явления сказать вот что.

Если внимательно приглядеться к характеру подхода к большинству классических пьес, то нетрудно уловить стремление к бережному, уважительному их прочтению, к психологической углубленности образов, к емкости социальных оценок — в прямую противоположность постановкам классики «дыбом», разбойничьему ««современизму», чем приобрели скандальную известность некоторые спектакли прошлых лет.

Еще более вероятно, что в намерении постановщиков «На всякого мудреца довольно простоты» у вахтанговцев, «Бешеных денег» (возобновление старой работы А. Лобанова) у ермоловцев, «Талантов и поклонников» и «Детей Ванюшина» в театре имени Маяковского и не входила задача полемики. Не воспринимались они именно так. И в такой полемической положительности, если можно так сказать, я вижу значение этих в общем-то качественно весьма неравноценных работ.

Но полемика остается полемикой, и только полемикой, если она целиком замыкается в себе. Важны открытия. И лучшие постановки сезона обнаруживают во вечной мудрости классики свежие, лейбствителю мотирки устоявшиеся концепции пьес додорачиваются к нам острой, современной мыслью. Не все, разумеется. В привычном для себя жанре «забавного» спектакля решил «Женитьба Фигаро» В. Плутин в Театре сатиры. Пожалуй, лишь художник В. Левенталь привнес сюда оригинальный, сегодняшний взгляд на Бомарше... Но, любящая великодушным нравом спектакля, с особой горечью думаю: «к такому платью, да еще бы голову!».

Играя мыслью, открыл «Медя в деревне» этанком «мюзикланта» кломом (модаль) по-сетла Ермоловский театр. Зрелищно спектакль получился, спору нет, любопытным, и можно, конечно, как делают иные критики, возразить в его добродетель то, что на нем много смеются. Но стоит ли? Ведь смех этот куплен ценой утраты немейджерского аромата тургеневской поэзии, разрыва тончайшего психологического узора, на которого соткана комедия...

После длительного перерыва имя Тургенев вновь прочно утвердилось на афише: «Тургеневский» год. Причем не только как автора, но и как героя: в «Элегии» на сцене ЦТСа Тургенев красиво и мягко сыграл А. Попов.

Ставя в Малом театре «Отцов и детей», Евгений Симонов не стал лукавить и не пытался из романа выконтить пьесу, по опыту прошлого, видимо, знал, что в этом случае и оцы не будут палм, и волю не станут сыты. Он именно ядсценировал роман, а не гримировал его под пьесу, и тем отвел многие из аюможных упреков. Мера не лишняя, хотя бы уж потому, что привычные, хрестоматийные представления отпущены тут решительно.

Драматический нерв спектакля, смысловые и эмоциональные его центры расположились вокруг Павла Петровича, с пленительным благородством сыгранного Е. Велиховым, и Вазарова (В. Коршунов), вернее — вокруг их спора, и будоражащие, беспокойные отблески этого спора озоруют все действие, служат внутренним его камертоном. Вы слышите знакомые слова, но будто впервые увлечиваете их действительный смысл, каким он входит в сознание сегодняшнего человека. Тургенев разводит спорщиков, как говорится, «при свечах». Но время неутомимо меняет содержание нравственных категорий, и ух современных художников уловило это: пусть несколько архаизированный, но искренний и горящий патриотизм Нирсанова, его защита духовных ценностей, выглядят сейчас куда более привлекательными, чем «обличительство» Вазарова. И Малый театр прав, оставляя «поле битвы» за Павлом Петровичем, и прав идеей, ибо Вазаров показан им сильной, по-своему цельной натурой...

Верно подмечал кто-то, что самое трудное испытание для актера — испытание «пустых» сезонов. Чашу такого испытания М. Нишин ядсил сполна, но вышел из него словно обновленным: его Кузовкин — работа событийного масштаба.

Хотя «Нахлебники» во МХАте — прежде всего хороший спектакль. Преданку недоуменный вопрос: что значит прежде всего? Мы как-то смирились с полуконцертным исполнением этой тургеневской пьесы, где в партии ведущего солиста — образ несчастного прижизнала, а в роле — более или менее сполное исполнение остальных ролей. В спектакле Г. Конского Кузовкин тоже безусловный центр, но вместе с тем это спектакль подлинно михатовской культуры ансамбля, с целым рядом тонко, небанально сыгранных ролей.

Для михатовцев минувший сезон, думаю, во всех отношениях стал знаменательным, и уж хотя бы потому, что им наконец-то, после долгого перерыва, вновь далась «Чайка» — что там ни говори, вопрос творческого престижа театра.

Ливанов ставит Чехова — это вполне пригодный заголовок для сенсационной статьи, столь разительно несхожий буквально во всем для этих художников. Но режиссер подошел к пьесе, как истинный поэт: инстинктивно, не отступив от собственного темперамента, он задел в «Чайке» те струны, которые с особенной звуочностью отзывались на его устремления, и поставил Чехова возрожденно и трепетно, темпераментно и нежно... В спектакле есть свои недостатки, и, в частности, слишком уж «разоблачительный» спор об искусстве, об эстетической, возмущающей его силе, какой ведется на подмостках Художественного театра.

М. Горький — другой «именинник» сезона. «Мать», «Дети солнца» у вахтанговцев, сценически трудными и душевными постановками в первом из них М. Царев, попеременно играя Мастакова и Старики, вставила исать себе редчайший параллелизм в истории театра. И, наконец, «На дне» в режиссуре Г. Волкен.

«Современники» не питают ни малейших иллюзий в отношении нравственной ценности героев «На дне», и тут все точно над «и» расставлены с жестокой откровенностью. Но чем больше быть жизнь обитателей кустылевской подлужки, чем ниже и беспощадней гнет она и опускает их над дно, с тем большей остротенностью, каким-то пропаленным отчаянием стремятся они сохранить в себе человеческое, выкарабкаются на поверхность, расправят свои искореженные судьбы. Неравнохлестнувшаяся, эти две стили и образуют драматическую жизнь спектакля, амбициозную его атмосферу. Эта

предельная, безжалостная общечеловечность конфликтов, острота и резкость общей картины придают привкус поэтичного работа «Современника».

Куда менее повезло пьесам советских драматургов, возвратившимся на сцену после длительного перерыва. «Вера, Надежда, Любовь...» (новое название старой мелодрамы Арбузова) в театре имени Ленинского комсомола и «Годы странствий» в театре имени Станиславского — просто очень слабые спектакли. Что же насчет сценической версии «Платона Кречета», предложенной А. Эфросом в театре на Малой Бронной, то она представляется по меньшей мере спорной и уж бесспорно — односторонней, и лучшей рецензией на этот спектакль, на мой взгляд, является спокойное, непредвзятое чтение пьесы Корнейчука.

Интереснее и значительнее выглядят в чтении и «притча для театра» Арбузова «Счастливые дни несчастного человека», также поставленная А. Эфросом. Но многим проторенным недостаткам постановки «Платона Кречета» тут прибавилось и исполнение центральных ролей Крестовникова А. Ширинидом. Этот вполне даровитый актер на спектаклях и спектакль переходит с минор прессыщенного, все познавшего и во всем изверившего человека, которому смертельно скушно на белом свете и для которого уже то, что он живет, смотрит на мир, выходит на сцену, производит какое-то там слово, — нестерпимый мучительский крест. И что ж тут удивительного, что драма ученого, раздланного грузом моральных компромиссов, оказалась приниженной и выхолащенной этой маской? Причем маска эта столь прочно пристала к Шириниду, что понадобился специальный актер, изображающий молодого Крестовникова, и это при молодомто исподнителе! Ведь если так дальше пойдет, то для Генриха IV, наверное, понадобится три-четыре исполнителя заглавной роли...

И тут самое время вернуться к тому, с чего я начал сезон в известном смысле оказался трудным и противоречивым. Открытия и победы при воплощении классики не могут и не должны скрывать того факта, что по части новых произведений минувший сезон неубогат, как, пожалуй, ни один другой. Ни одной мало-мальски заметной пьесы о рабочем классе, да и просто пьес, помеченных «действительное происходит в наши дни» — раз, два, и обчелся! Ну, «Верхом на дельфине» Л. Жуковича — вещь, стоящая, симпатичная, сколь и неглубокая, если не сказать резко: Ну, «Другая» Алешина! Если бы она ни да что он претендовал и ограничивался рассказом о частном, пусть и логичном случае, спора о себе с нею бы и не было. Но, в претензии своей на постановку сложных моральных проблем она явно несостоятельна. Да и не только в этом, честно говоря: простое сравнение с «Дилеммой», предыдущей пьесой Алешина, показывает, сколь неуклюже, неточно сделана «Другая». Спектакли по этим пьесам не прошли незамеченными, но брожения умов не вызвали и вызвать не могли: скромности их общественной активности слишком очевидна, это спектакли без тайн, без жизненных токозютов и мажорных далей, они упираются в нулисы — в таят там... Значительно крупнее общественная значимость «Соловьиной ночи» В. Ежова, искрени и возродило сыгранной театром имени Маяковского. Наверное, я упустил и еще одно два названия, наверное, не согласитесь и с тем, что и две ласточки весны не делают...

И все же, мне кажется, у минувшего сезона есть своя маленькая «хитрость». Хороших пьес о современности не хватало театрам от века. И не припятили ли они некоторые произведения для нынешнего, такого знаменательного сезона? Если это так, — а хочется верить в то, что это так, — то давайте примем все то интересное, новое, плодотворное, что принесло нам вчера, и наберемся терпения до завтра!

Андрей Дьяконов.